

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-No Derivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2025. В.Г. Андреева
г. Москва, Россия

«НАСИЛИЕ ПРЕОБЛАДАЮЩЕГО НЕВЕЖЕСТВА...»: ТРИ ПИСЬМА Л.Н. ТОЛСТОГО К Е.П. КОВАЛЕВСКОМУ

Аннотация: Статья посвящена анализу трех писем Л.Н. Толстого к Е.П. Ковалевскому, написанных в 1850–1860 гг. Данные послания иллюстрируют глубокий интерес Толстого к своему современнику, признание высокого уровня его образования, глубины и широты ума. Они показывают, что Толстой хорошо понимал Ковалевского, его взгляды на жизнь, отсутствие у корреспондента определенной фанатичности во всех областях, к которым он обращался. В статье отмечаются этапы взаимодействия Толстого и Ковалевского, показано, что знакомство их состоялось в штабе М.Д. Горчакова в дунайской армии, где впервые имело место обоюдное литературное влияние. На основе совместного военного прошлого корреспондентов, участвовавших в обороне Севастополя, выросла их дальнейшая переписка. Ковалевский стал адресатом трех искренних и развернутых посланий Толстого потому, что писатель выделял его среди светского общества и всех чиновников как человека думающего и понимающего проблемы, готового поставить личность в центр движения истории. В моменты переориентации от литературы к педагогике, осмыслиения социальных вопросов обращение Толстого к Ковалевскому было особенно актуальным: писатель полагался на искренность адресата, его опыт и возможность содействия в проблеме тотальной необразованности народа, которая, по мнению Толстого, мало интересовала правительство.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Е.П. Ковалевский, корреспонденты, переписка, Крымская война, народная жизнь, образование, неграмотность, творческое взаимодействие, правительство.

Информация об авторе: Валерия Геннадьевна Андреева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.01.2025

Дата одобрения рецензентами: 03.05.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Андреева В.Г. «Насилие преобладающего невежества...»: три письма Л.Н. Толстого к Е.П. Ковалевскому // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 198–211. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-198-211>

В непосредственном общественно-культурном и литературном окружении Л.Н. Толстого в 1850–1860 гг. было немало выдающихся деятелей, имена которых сейчас мало известны широкому кругу читателей. Одной из таких фактически забытых, но действительно крупных и значимых личностей XIX в. был Егор Петрович Ковалевский (1809–1868) — писатель, горный инженер и географ, путешественник, дипломат, военный. При перечислении сфер деятельности Ковалевского сложно поставить на первое место какую-то одну — как с точки зрения того значения, которое военное дело, дипломатия, литература, профессиональные путешествия, инженерия имели для самого Ковалевского, так и с позиции осмыслиения вклада, который внес в определенные области жизни этот талантливый человек. Ковалевский путешествовал с различными миссиями столько, что впечатлений и опасностей от его поездок хватило бы на жизни более десяти его современников. Кроме того, именно Е.П. Ковалевский был первым председателем Литературного фонда, почетным членом Петербургской Академии наук.

Данная статья посвящена анализу трех писем Л.Н. Толстого к Е.П. Ковалевскому, написанных в 1850–1860 гг. Эти послания иллюстрируют глубокий интерес Толстого к своему адресату, признание высокого уровня его образования, глубины и широты ума. Они показывают, что Толстой хорошо понимал Ковалевского, его взгляды на жизнь, отсутствие у корреспондента определенной фанатичности во всех областях, к которым тот обращался. К сожалению, в нашем распоряжении находятся сейчас только три письма Толстого, ответные письма Ковалевского не сохранились. Однако и по этим трем письмам классика можно многое понять в истории взаимоотношений обоих корреспондентов. В цели нашей работы не входит описание сходств и различий мировоззрения или глубинное сравнение определенных вех их жизненного пути, мы предпринимаем попытку содержательного анализа писем Толстого к Ковалевскому, осмысливаем необходимость и причины обращения писателя к своему современнику.

Е.В. Александрова в статье «Крымская война в рецепции Е.П. Ковалевского и Л.Н. Толстого» справедливо отмечает, что тема и проблема отношений двух писателей комплексно в отечественной науке не изучалась [1, с. 156]. Исследовательница обращается к одной значимой вехе в истории этих взаимоотношений — событиям Крымской войны и обороны Севастополя, а также их преломлению в произведениях авторов: Севастопольских рассказах Толстого и историческом очерке «Бомбардирование Севастополя» Ковалевского. О литературных и идеологических связях писателей именно в 1856 г. кратко писала Ю.И. Красносельская [7]. Между тем, письма Толстого к Ковалевскому позволяют осмыслить только намечаемое, планируемое и состоявшееся их взаимодействие — идейное, душевное, стратегическое: направленное на выстраивание как своего, личного пути, так и наилучшего пути развития и совершенствования русского общества.

Толстой был на 19 лет младше Ковалевского, который к началу Крымской войны и обороны Севастополя прошел уже значительный жизненный путь. У Егора Петровича было два старших брата, которые также вошли в историю общественно-политической жизни России: Евграф Петрович Ковалевский (1790–1867) — государственный деятель, в 1830–1836 гг. — Томский губернатор и главный начальник Колыванских и Алтайских

заводов, в 1858–1861 гг. — Министр народного просвещения и Петр Петрович Ковалевский (1808–1855) — генерал-лейтенант, русский военачальник, герой Кавказской и Крымской войн.

В 1830 гг. Ковалевский занимался золотыми приисками, был в Черногории, однако помимо собственно инженерной работы Ковалевский участвовал в нескольких пограничных спорах черногорцев с австрийцами, решению которых удачно способствовал [15]. Понимая факт превышения своих полномочий, инженер по возвращении в Петербург разъяснил всё в записке к государю — император Николай I тогда полностью одобрил поступки и решения Ковалевского, после чего молодому специалисту стали давать еще более серьезные поручения [15]. В 1830 гг. Ковалевский начинал параллельно дипломатической и свою литературную карьеру — с написания стихотворных и драматических произведений, однако впоследствии известность ему принесли путевые очерки.

В 1839 г. Ковалевский участвовал в Хивинском походе, в 1847–1848 гг. был в Африке, где искал месторождения золота и проводил геологические исследования: итогом этой поездки стала книга «Путешествие во внутреннюю Африку» (1849 г.). Интересны примечания редакции журнала «Современник» к очерку «Из путешествия во внутреннюю Африку». Осуществляя своеобразную рекламу, редакция «Современника» отмечала, что Ковалевский видел места, которые не посещал еще ни один из европейских путешественников, что автор — «мастер рассказывать свои путевые наблюдения и впечатления живо необыкновенно увлекательно» [14, т. 13, кн. 1, с. 224].

В 1849 г. Ковалевский был в Китае и содействовал заключению Кульджинского договора 1851 г., который открыл для русских купцов западный Китай. В 1853 г. Ковалевского отправили в Черногорию в связи с нападением на страну Омера-паши. Вернувшись в Петербург и пробыв там 4 месяца, Ковалевский в ноябре 1853 г. был направлен в дунайскую армию князя М.Д. Горчакова. Знакомство Толстого и Ковалевского как раз и состоялось в штабе М.Д. Горчакова в дунайской армии.

Е.В. Александрова отметила, что и Толстой, и Ковалевский просили командование о переводе в Севастополь: «“Штабной офицер Дунайской армии” Толстой подает рапорты о переводе в Крымскую армию еще до основных событий осады Севастополя» [1, с. 157]. «Е.П. Ковалевский, “узнав о высадке англо-французских сил в Крыму”, тоже просит перевести его в действующую армию в Севастополь» [1, с. 158].

С весны 1855 г. в дневнике Толстого появляются сведения о Ковалевском и общении с ним. 24 апреля 1855 г., находясь на 4-м бастионе, Толстой писал: «Получил письмо от тетки, которое передал, для передачи Князю, Ковалевскому» [16, т. 47, с. 42]. 27 июня 1855 г. в Бахчисарае Толстой читал Ковалевскому еще неопубликованный будущий (не имевший тогда окончательного названия) рассказ «Севастополь в мае», в который Толстой продолжал вносить некоторые изменения: «Был в Бахчисарае, читал Ковалевскому Весеннюю ночь, которой он остался очень доволен» [16, т. 47, с. 47]. По всей видимости, литературное влияние тут было обоюдным. По поручению князя М.Д. Горчакова и по собственному желанию и разумению Ковалевский вел записи о событиях Крымской кампании. Толстой к этому времени знал Ковалевского как автора многих интересных путевых записок; 13 июля 1854 г. Толстой отметил в дневнике «Читал о Черногории» [16, т. 47, с. 12]. Разумеется, писатель имел в виду книгу Ковалевского «Четыре месяца в Черногории», вышедшую в 1841 г. К сожалению, в это издание, согласно требованиям цензуры, не вошли описания боевых действий, происходившие в Черногории. Прекрасно владевший информацией и много путешествовавший, Кова-

левский притягивал Толстого новыми сведениями и возможностями: «Еще польстило моему самолюбию и рассердило против Крыжановского то, что я узнал от Ковалевского, что я давно приглашен участвовать в Брюссельском журнале» [16, т. 47, с. 47]. А чтение Толстым черновых вариантов своего будущего рассказа могло способствовать задумке Ковалевским очерка «Бомбардирование Севастополя».

Нельзя исключать, что те художественные описания и глубинные обобщения, которые в достаточном количестве появились в очерке Ковалевского, были отчасти навеяны толстовским представлением о ситуации в осажденном городе. Е.В. Александрова верно отметила, что «точками пересечения между Е.П. Ковалевским и Л.Н. Толстым являются не только личное знакомство авторов во время Крымской кампании и практически одновременная публикация произведений на одну тему, но и перекличка тем и образов, концепций и воззрений» [1, с. 169]. Рассматривая проблему рецепции Крымской войны обоими писателями, исследовательница пришла к выводу, что «манера повествования и способы изображения героев свидетельствуют, что Толстой и Ковалевский разными художественными средствами решают одну задачу — правдиво изображать действительность и человека как “центр истории”» [1, с. 169].

В октябре 1855 г. Ковалевский заболел тифом и покинул Севастополь, отправившись в Харьковскую губернию для восстановления.

Как мы уже отметили, переписка Толстого и Ковалевского насчитывает три письма, подлинники которых хранятся сейчас в Отделе рукописных фондов Государственного музея Л.Н. Толстого. В 1850 гг. Толстой написал Ковалевскому только одно письмо — от 1 октября 1856 г. Однако по количеству поднятых тем и затронутых проблем, по искренности и сердечности тона Толстого, по глубине отражения событий и фактов жизни писателя этого времени данное письмо можно признать одним из самых ярких и насыщенных посланий. Оно написано и отправлено из Ясной Поляны — и дух деревенской и помещичьей жизни, а также соответствующих забот пронизывает его.

В начале письма Толстой сообщает о своем давнем желании написать Ковалевскому и подчеркивает, что возникшая просьба наконец-то побудила его сделать это: «Не пугайтесь и не думайте, что я прошу зачислить меня куда-нибудь в посольство, просьба вот в чем: я с этой же почтой посылаю Константинову рапорт об отставке, то пожалуйста скажите словечко в Инспекторском Департаменте, чтобы дело это сделалось поскорее, и ежели увидите моего милейшего начальника и ему скажите, чтобы он не задерживал отставки» [16, т. 60, с. 88]. Примечательное уточнение Толстого по поводу посольства требует пояснений и комментария. Дело в том, что со 2 июня 1856 г. Ковалевский исполнял обязанности директора Азиатского департамента, а 2 октября 1856 г. был одобрен в должности директора [15]. Письмо Толстого интересно совпало с фактическим утверждением Ковалевского директором, но это случайный факт. Гораздо важнее для нас то, что Толстой был осведомлен о жизни и работе Ковалевского, считал его настолько расположенным к себе, что допускал возможной просьбу о каком-либо содействии назначению на должность в посольство. Однако в реальности писатель обратился к Ковалевскому именно как к директору Азиатского департамента, который вращался в кругу коллег и с легкостью мог замолвить слово о просьбе Толстого перед директором Инспекторского департамента военного министерства, а также перед непосредственным начальником Толстого — К.И. Константиновым (1818–1871).

Интересно, что, прося пояснений о своей неспособности к военной службе и нежелании далее быть связанным с военным делом, Толстой отметил: «Вы меня

знаете больше его...» [16, т. 60, с. 88]. На самом деле, писатель был неплохо знаком с К.И. Константиновым. Так, 16 мая 1856 г. Толстой записал в дневнике: «Ездил к Константинову, обедал у Некрасова, они мне очень льстили» [16, т. 47, с. 72]. Однако вышеуказанная цитата из письма позволяет говорить о том, что Толстой считал Ковалевского гораздо более осведомленным о его собственных жизненных предпочтениях.

Далее рассуждения Толстого логично поворачивают в сторону того реального дела (а отнюдь не литературы, как можно было бы предположить), которым был занят писатель. Он искренно сообщает Ковалевскому не о своих достижениях, а о нереализованных планах, общих и частных бедах помещиков. Судя по выражению Толстого: «Планы мои об обязанных крестьянах не удались до сих пор...» [16, т. 60, с. 88] — Ковалевский уже ранее был осведомлен о намерениях Толстого, который в течение первой половины 1856 г. много занимался проектом об освобождении собственных крестьян. О проекте условия между собою и крестьянами Толстой написал письмо министру внутренних дел С.С. Ланскому 25 апреля 1856 г. В этот же день Толстой «написал для себя проект проекта и докладной записки» [16, т. 47, с. 69]. Примечательно, что о своих попытках договориться с мужиками Толстой написал 9 июня 1856 г. большое письмо (которое осталось неотправленным) Д.Н. Блудову, председателю департамента законов Государственного совета. Толстой рассказывал о проблемах крестьян, которые не желали освобождения без земли. Писатель отмечал, что «вопрос о том, чья собственность — помещичья земля, населенная крестьянами, чрезвычайно запутано в народе и большей частью решается в пользу крестьян, и даже со всей землею помещичьем. Мы ваши, а земля наша» [16, т. 60, с. 65].

В письме к Ковалевскому Толстой как раз четко называет причину народного неудовольствия и неприятия «благих» мер крестьянами — ожидание народом полного освобождения с землей. Более того, писатель очень удачно формулирует двойственную позицию правительства, скрывающего информацию от народа то ли по непониманию, то ли специально. «Правительство *секретничает* изо всех сил и *воображает*, что это внутренняя политика», — отмечает Толстой (курсив мой. — В.А.) [16, т. 60, с. 89]. Необходимо признать, что для описания действий правительства писателем выбираются глаголы, которые не могут отражать продуманную политику и быть употреблены по отношению к одобряемой активности власти.

«И кончится тем, что нас перережут», — продолжает Толстой, причем это были слова человека, вникшего в проблему и воочию увидевшего беды русской деревни. Во многом слова Толстого из этого письма к Ковалевскому (как и из следующего послания) стали пророческими, только сбылись они более чем через полвека. Писатель рассуждает о народе и деревенской жизни не безосновательно — он пишет, что готов показать Ковалевскому журнал своих переговоров со сходкой — Толстой имел в виду свою рукопись «Дневник помещика» [16, т. 5, с. 255–257].

Нахождение обоих корреспондентов на военной службе и только что завершившаяся война побуждают Толстого использовать параллели с воинской тематикой, при этом вопрос о лукавстве командования остается в подтексте:

Можно сказать, что в полку было 4 батареи, а потом, что было 30 батарей, это не беда, а сказать, что нужно подумать о свободе, а потом забыть — нельзя [16, т. 60, с. 89].

Толстой кратко перечисляет «чудеснейшему Егору Петровичу» все главные новости своей жизни в деревне, которая его очень радовала и вдохновляла. Писатель

сообщает о хозяйстве, охоте, влюблённости в барышню (имеется в виду Валерия Арсеньева), написании «Юности» (которую Толстой отдал для прочтения и оценки А.В. Дружинину). Важнейшая эмоциональная сторона письма Толстого заключена в вопросах Ковалевскому о его внутреннем состоянии и чувствах. Толстой в свойственной ему манере обличения, которое он достаточно часто обращал против самого себя, иллюстрирует в анализируемом нами частном письме к Ковалевскому рост возмущения и недовольства, которые способны подчинить себе человека, изменить его: «Что вы делали? Неужели все грустили и всё были недовольны той деятельностью, которая вам досталась на долю, всё старались видеть дурным для того, чтобы иметь гордое удовольствие возмущаться, и даже себя старались видеть нехорошим, чтобы возмущаться и на себя и на Бога немножко: зачем он вас сформировал?» [16, т. 60, с. 89–90]. И в этой тираде, и в дальнейшем описании «возмущенных» писатель констатирует открытый им самим летом 1856 г. вред и побочный эффект от недовольства.

Толстой имеет в виду В.Г. Белинского и его последователей, прежде всего, Н.Г. Чернышевского. О возмущении и своем неприятии его Толстой писал Н.А. Некрасову в письме от 2 июля 1856 г.:

У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть возмущенным, желчным, злым очень мило. А я нахожу, что очень скверно [16, т. 60, с. 75].

Не получив полной поддержки Некрасова, который нашел, что возмущение может быть и положительным состоянием, Толстой делится с Ковалевским своими размышлениями по этому поводу, отмечая, что возмущение стало пороком времени и, конечно, подразумевая под возмущающимся в первую очередь Н.Г. Чернышевского. Его же, по всей видимости, Толстой имел в виду, и когда писал о своеобразном «бунте» против Бога:

...Толстой восставал против тенденций, которые затемняли и нивелировали уникальный внутренний мир личности, раскрывающийся полностью только в проекции вечности, а не социальных интересов [2, с. 79].

Высказанная фактически в конце письма просьба Толстого к Ковалевскому узнать, где находятся его кузины, поклониться им, подчеркивает искренний и откровенный тон письма, желание Толстого воспринимать Ковалевского как одного из самых близких и понимающих друзей. Под кузинами Толстой имел в виду своих троюродных сестер: Марью Федоровну Каменскую (в девичестве Толстую) (1817–1898) и Екатерину Федоровну Толстую (1843–1913), которая позднее вышла замуж за Э.А. Юнге.

Наконец, в самом finale послания, Толстой открыто пишет о любви и уважении к Ковалевскому, причем формулировки писателя позволяют разделить Ковалевского как адресата и все остальное общество, и обозначить причинно-следственную связь между степенью чувства Толстого и Ковалевского. Примечательна в данном случае и пунктуация письма. Толстой ставит точку после упоминания о всех остальных, ограничивая их одним предложением. Информация о взаимном отношении друг к другу обоих писателей также выделена в отдельное предложение, в котором мы видим подчинительный союз «потому что» и придаточное причины. При этом «они» остаются в предыдущем предложении, а причинно-следственная связь оказывается между «вы» и «я»: «Не беда, ежели *они* меня немного любят. А я надеюсь, что *вы* меня немного любите, потому что *я* вас очень люблю и уважаю» (курсив мой. — B.A.) [16, т. 60, с. 88].

По всей видимости, глубокое понимание личности Ковалевского сложилось у Толстого и на протяжении их встреч. Однако, как это было у писателя в конце 1850 гг. в ситуации с Б.Н. Чичериным и Ю.Ф. Самарином, когда он тщательно искал себе более образованного, нежели он сам, и на том же уровне понимающего жизнь и литературу товарища и соратника, Толстой и в общении с Ковалевским нередко ожидал полного понимания и совпадения во взглядах, абсолютной искренности [3, 4].

25 ноября 1856 г. Толстой был у Ковалевского в Петербурге: «К Ковалевскому, он был мил» [16, т. 47, с. 102]. 30 декабря 1856 г. Толстой еще раз был у Ковалевского и дал ему в дневнике краткую характеристику: «У Ковалевского. Он дипломат, лгун...» [16, т. 47, с. 107]. Ковалевский много общался с русскими писателями, был хорошим знакомым Некрасова, который нередко вспоминал Ковалевского и его справедливые жизненные замечания и советы. А.А. Фет в книге «Мои воспоминания» оставил описание внешности и преобладающего душевного состояния Ковалевского, на тот момент — генерал-майора:

В нашем шумном и веселом кружке особенно выдавался своею молчаливостью и бледностью, в то время уже седой, генерал-майор Егор Петрович Ковалевский. Его сдержанность равнялась только его скромности, хотя после долгого странствования по востоку и жизни в Китае ему было о чем рассказать. В более светлые минуты он с великим сочувствием отзывался о Китае, подобно всем, прожившим там известное время. Он, очевидно, мучительно хандрил, но сквозь эту хандру каждому слышалась бесконечная доброта этого человека [17, с. 128].

В письме Тургеневу от 21 мая (2 июня) 1857 г. Некрасов писал:

Здесь появился Е.П. Ковалевский — он говорит, что готов неделю или две прожить лишние, лишь бы тебя увидеть в Париже. А я советую ему ехать с нами в Лондон, на что он в крайнем случае тоже, кажется, поддастся; он был очень весел в Париже, да увидал сон, предсказывающий ему смерть, — и на нем лица нет: «Пусть-де Тургенев приедет со мной проститься — умру скоро! — Вы так ему и напишите!...» [14, т. 14, кн. 2, с. 74].

Второе письмо Толстого к Ковалевскому от 12 марта 1860 г. относится к тому периоду в жизни писателя, когда он разочаровался в литературе, решил оставить литературное творчество и занялся педагогикой, открытием школ для народа. Показательно, что примерно в это же время (только не в марте, а в апреле 1860 г.) Толстой написал письмо А.В. Дружинину, где негативно отзывался о литературном фонде, крестным отцом которого был Дружинин. Между тем, Е.П. Ковалевскому, который был первым председателем литературного фонда, Толстой пишет более чем благожелательное письмо, разумеется, не упоминая про литературный фонд, но прося о содействии в решении важного вопроса. Б.М. Эйхенбаум заметил, что в этом письме явно прослеживается связь «между отходом Толстого от литературы и его педагогическими планами»:

Основой этой связи является осознание ненужности той литературы, которой он «служил» до сих пор, и ненужности именно в условиях русской действительности и своей эпохи, а не вообще. У Толстого окончательно сложилось убеждение, что литература в России существует для самих же литераторов... [12, с. 340].

Н.Н. Гусев, характеризуя кратко данное письмо Толстого, отмечает, что центром послания была попытка выяснить у Евгрифа Петровича Ковалевского, брата Егора

Петровича Ковалевского, возможность открытия Общества народного образования [6, с. 351]. Исследователь анализирует послание Толстого, отмечая, что начинается оно с общих взглядов на значение народного образования, а потом Толстой переходит к указанию на преобладающее невежество большинства народа:

Не имея возможности в письме к брату министра сослаться на пример своего отечества, Толстой ссылается на Францию. Он говорит, что «только кажется», что император Франции Наполеон III устраивает войны, запрещает неугодные ему журналы и строит планы захвата чужих земель: в действительности это делает не Наполеон III, а делают это «Феликсы и Викторы, которые не умеют читать газеты» [6, с. 351].

Письмо Толстого имеет значительный объем (если сравнивать его со многими другими его посланиями этого времени), написано оно искренне и душевно. В первой части, еще до объяснения своей просьбы, Толстой рассказывает Е.П. Ковалевскому о собственной жизни в деревне, занятиях хозяйством и школами, приводит примеры из мировой истории. Б.М. Эйхенбаум точно отметил, что «Ясная Поляна становится для него не только хозяйственной лабораторией, но и лабораторией культуры, которую он понимает по-своему. Этот шаг обнаруживает в Толстом замечательное чувство истории, которое и провело его через ряд эпох» [12, с. 340].

Толстой пишет о той численной непропорциональности образованных и необразованных или «диких» и «грамотных» людей [16, т. 60, с. 329], которая поражает в России, отмечает, что народное образование должно быть передано в руки общества. Разумеется, нельзя абсолютизировать взгляды Толстого на народное образование и образование в целом. По этому поводу можно обратиться к спору Толстого с Е.Л. Марковым, который прекрасно знал писателя, также был среди его корреспондентов, много восхищался Толстым как писателем и в том числе педагогом, но при этом видел и слабые стороны его педагогической системы. Так, Е.Л. Марков отметил несомненные заслуги Толстого в деле народного образования и силу его как учителя, которая в первую очередь основывалась не на образовательно-воспитательной системе, а именно на личности Толстого: «...Я никогда, ни прежде, ни после, не встречал человека, который бы был способен так могуче зажигать в другом человеке внутренний пламень его духа» [9, с. 26]. Но при этом Марков видел крайности и увлечения Толстого, к примеру, он критически относился к отрицанию писателем идеи прогресса. В статье «Теория и практика яснополянской школы. Педагогические заметки тульского учителя» Марков показывает, что Толстой необоснованно закрывает для «высших общественных слоев» дело образования народа, увлекаясь «ненавистью к деспотизму до деспотизма» и стремясь преодолеть обязательное принуждение со стороны правительства [8, с. 154–155].

В письме к Ковалевскому Толстой не выдвигает на первый план нежелательность участия представителей высшего света в деле образования народа. Ключевая проблема послания заключается в *тотальной необразованности народа, преобладающем невежестве*. Не случайно Толстой пишет о «насилии», «деспотизме» — данное письмо к Ковалевскому глубинно связано с предыдущим посланием, в котором, напомним, он предупреждал, что всё может кончиться тем, что крестьяне перережут помещиков.

Два европейских путешествия не прошли для Толстого бесследно, он многое понял и увидел, анализируя систему образования разных европейских государств. И упущения, отставания России стали для писателя заметны именно после заграничных поездок.

Не только нам, русским, но каждому иностранцу, проехавшему 20 верст по Русской земле, должна в глаза кинуться численная непропорциональность образованных и необразованных или, вернее, диких и грамотных [16, т. 60, с. 329].

Толстой подчеркивает, что образования в России нет. Многие исследования авторитетных ученых позволяют понять, что ситуация с народным образованием в различных областях России в 1860–1870 гг. была катастрофической. Так, А.М. Белов и О.Ю. Галинская приводят немало статистических данных и примеров, иллюстрирующих ситуацию в центральной России: «Например, в Костромской губернии в 1867 г. доля безграмотных мужчин достигала 84%, а женщин — 98%» [5, с. 35].

В послании к Ковалевскому также есть идея о том, что при отсутствии в России повсеместного образования правительство не может и не сможет правильно решить этот вопрос. Работы историков, пишущих о состоянии социальной сферы в России XIX в., показывают «четкую тенденцию недофинансирования социальных расходов», которая особенно проявляется в отношении сельского населения страны [11, с. 799]. Письмо к Ковалевскому позволяет понять, что толстовские идеи и предложения нужно воспринимать не абсолютно, а в аспекте конкретной ситуации. По сути дела, всеобщая неграмотность в России была преодолена уже только в годы советской власти [5, с. 35].

Когда Толстой писал: «Ежели бы правительство бросило все дела, закрыло бы все департаменты и комиссии (и прекрасно бы сделало) и занялось бы одним народным воспитанием, и тогда едва ли бы оно успело, — потому что механизм, усвоенный правительством, помешал бы ему, и, главное, потому, что интересы его кажутся отдаленными (в сущности, это один его интерес) от народного образования» [16, т. 60, с. 330], то он разумел не только бюрократическую машину, которая равнодушна к людям, но и нежелание власти видеть народ образованным, имеющим свое мнение, способным выражать его.

В письме Толстой использует метафорическую формулу $«2 \times 2 = 4»$, отмечая, что необходимость образования народа ясна и не подлежит доказательствам. Ю.Н. Сытина показала, что в целом доминантным для русской литературы «следует признать неприятие “законничества” формулы $2 \times 2 = 4$. Это неприятие в основе своей восходит к Евангелию, к новозаветному предпочтению Благодати перед Законом, к убежденности в первостепенной важности веры и милосердия, а не рационального научного познания и непреклонной “законнической” логики» [10, с. 140]. Примечательно, что в период своего «отхода» от литературы для решения тех вопросов, которые не могут быть рассмотрены без законных оснований, Толстой использует эту формулу и даже повторяет ее несколько раз. Второй раз — при объяснении того, что само общество должно заинтересоваться вопросом народного образования: «Но я опять, кажется, доказывал дважды два. Вопрос может быть только в том, существует ли потребность образовывать и образовываться» [16, т. 60, с. 329]. Третий раз — в итоге своего письма, при описании учеников и занятий.

Необходимо отметить, что Толстой справедливо поднимал не только проблему отсутствия образования, но и вопрос об осознании разными слоями населения этой проблемы. Известный зарубежный специалист в области российского образования XIX–XX вв. Артур Бенуа Эклоф неоднократно отмечал, что среди крестьян в Российской империи постепенно и неуклонно, пусть и медленно росло желание к получению начального образования. В статье «Миф о земской школе: истоки расширения сельского образования в императорской России: 1864–1914» Эклоф отметил, что обосно-

ванно говорить о народном понимании полезности образования можно применительно к крестьянскому населению приблизительно с 1880 гг. [13, р. 567].

Итак, обосновав неуместность привлечения власти к вопросу образования народа, Толстой предложил проект «Общества народного образования». Писатель просил Е.П. Ковалевского составить толковую записку о необходимости учреждения «Общества народного образования» и показать ее брату — Евграфу Петровичу Ковалевскому, который в это время был Министром народного просвещения. В письме Толстой не случайно упоминает человека, с которым он поделился своим желанием открыть указанное общество. Толстой пишет, что он рассказал о своем намерении Гаярину. Имеется в виду Иван Федорович Гаярин (1827–1890) — педагог, тайный советник, который в 1859 г. был назначен инспектором Тульской гимназии, позднее — директором училищ в Тульской губернии [16, т. 60, с. 332–333]. С конца 1860 гг. Гаярин стал окружным инспектором Московского учебного округа. По всей видимости, Толстой хотел подкрепить свои позиции мнениями людей, занимающих официальные должности в образовании, поскольку сам он был «на дурном счету у правительства» [16, т. 60, с. 331].

Кроме того, Толстой просил Е.П. Ковалевского узнать информацию о возможном разрешении ему издания журнала. Н.Н. Гусев пишет, что «Ковалевский, несомненно, письменно или устно через кого-нибудь из их общих знакомых ответил Толстому. Если ответ был в форме письма, то письмо это в архиве Толстого не сохранилось. Но во всяком случае ответ был неблагоприятный» [6, с. 352].

В finale письма Толстого звучат несколько фраз, которые открывают или успешно завуалированную иронию, или, скорее всего, простоту и неискушенность Толстого, не понимавшего, что именно в свободной школе можно научить людей нестандартно мыслить и принимать самостоятельные решения, научить не быть ведомыми: «И чего может бояться правительство? Разве можно в свободной школе учить тому, чего не следует знать» [16, т. 60, с. 330]. По всей видимости, честность, прямота, горячность Толстого и были одной из причин того, что писателю и педагогу было отказано в создании общества и других его просьбах.

Толстой общался с Ковалевским в Петербурге, после своего возвращения из Европы. 14 (26) апреля 1861 г. Толстой записал, что ему легче в обществе Ковалевского и Аксакова (по всей видимости, писатель сравнивал то впечатление, которое на него произвели эти два знакомых и А.В. Дружинин, с которым он виделся накануне, 13 (25) апреля 1861 г.).

Последнее письмо Толстого Ковалевскому содержит уверение в самых теплых и искренних чувствах автора к адресату. Писатель просил Ковалевского помочь знакомому крестьянину Митрофану Николаеву Банникову, «крапивенскому мещанину» и «сыну отличного семейства» [16, т. 60, с. 458]. Это последнее письмо Толстым датировано, однако в дате не указан год, который определяется по содержанию письма — указанию Толстого на то, что он месяц как женат. Примечательна концентрическая композиция этого последнего письма. Как свойственно счастливому человеку, Толстой распространяет свое счастье на всех окружающих, в том числе на Е.П. Ковалевского, и искренне верит в благожелательное отношение к себе. Если в письме от 1 октября 1856 г. Толстой писал Ковалевскому: «А я надеюсь, что вы меня немного любите...», то в послании от 24 октября 1862 г. мы читаем: «Вы любите меня, и потому должен вам сказать, что вот месяц, как я женат и счастлив так, как никогда бы не поверил, что могут быть люди» [16, т. 60, с. 459].

Таким образом, мы показали, что в основе взаимоотношений и переписки Толстого и Е.П. Ковалевского лежало военное прошлое обоих писателей, участвовавших в обороне Севастополя и в середине 1850 гг. впервые обратившихся к литературному опыту друг друга. Впоследствии Толстой писал письма Ковалевскому уже как приятелю, занимающему определенное положение во власти, но при этом подразумевая его талант литератора, прекрасно осведомленного об общественно-политической ситуации в России и жизни простого народа, а также воочию видевшего быт солдат. Ковалевский стал адресатом нескольких искренних и развернутых посланий Толстого потому, что писатель во многом выделял его среди светского общества и всех чиновников как человека думающего и понимающего, способного проявить внимание к простым людям. В моменты переориентации от литературы к педагогике, осмыслиения социальных проблем обращение Толстого к Ковалевскому было особенно актуальным: писатель полагался на искренность адресата, его опыт и возможность содействия в проблеме тотальной необразованности народа, которая, по мнению Толстого, мало интересовала и заботила правительство.

Список литературы

Исследования

- 1 *Александрова Е.В.* Крымская война в рецепции Е.П. Ковалевского и Л.Н. Толстого // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 156–172. <https://doi.org/10.17223/24099554/15/9>
- 2 *Андреева В.Г.* «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л.Н. Толстого и Б.Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>
- 3 *Андреева В.Г.* «Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора»: переписка Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, № 3. С. 74–83. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2023-3-74-83>
- 4 *Андреева В.Г. Калюжная Л.В.* Переписка Л.Н. Толстого и Ю.Ф. Самарина: новые контексты и проблемы взаимоотношений двух современников // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9. С. 83–97. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-9-83-97>
- 5 *Белов А.М., Галинская О.Ю.* Об уровне грамотности населения Костромской и Ярославской губерний в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 34–40. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40>
- 6 *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.
- 7 *Красносельская Ю.И.* Л.Н. Толстой и Е.П. Ковалевский: литературные и идеологические связи в 1856 г. // Лев Толстой и мировая литература: мат. VIII Междунар. науч. конф. Тула: Изд-во Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 85–94.
- 8 *Марков Е.Л.* Теория и практика яснополянской школы. Педагогические заметки тульского учителя // Русский вестник. 1862. № 5. С. 149–189.
- 9 *Марков Е.Л.* Грехи и нужды нашей средней школы. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1900. 131 с.

- 10 *Сытина Ю.Н.* О бытования формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. 2019. № 1. С. 128–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147>
- 11 *Христенко Д.Н., Оришев А.Б., Мамедов А.А.* Социальная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере функционирования системы здравоохранения) // Былые годы. 2024. № 19 (2). С. 792–802. <https://doi.org/10.13187/bg.2024.2.792>
- 12 *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: исследования. Статьи / сост., вступ. ст. И.Н. Сухих. СПб.: Изд-во фак-та филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. 952 с.
- 13 *Eklof B.* The Myth of the Zemstvo School: The Sources of the Expansion of Rural Education in Imperial Russia: 1864–1914 // History of Education Quarterly. 1984. Vol. 24, no. 4. P. 561–584.

Источники

- 14 *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем в 15 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 13, кн. 1. 542 с. СПб.: Наука, 1999. Т. 14, кн. 2. 356 с.
- 15 *Половцов А.А.* Ковалевский Егор Петрович // Русский биографический словарь. Т. 9. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1903. С. 25–27.
- 16 *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худож. лит., 1935. Т. 5. 378 с. М.: Худож. лит., 1937. Т. 47. 636 с. М.: Худож. лит., 1949. Т. 60. 564 с. М.: Худож. лит., 1954. Т. 73. 432 с.
- 17 *Фет А.А.* Мои воспоминания: в 2 ч. 1848–1889. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1890. 460 с.

© 2025. Valeria G. Andreeva
Moscow, Russia

“THE VIOLENCE OF PREVAILING IGNORANCE...”: THREE LETTERS FROM L.N. TOLSTOY TO E.P. KOVALEVSKY

Abstract: The paper's purpose is to undertake the analysis of three letters from L.N. Tolstoy to E.P. Kovalevsky, written in the 1850s–1860s. These messages illustrate Tolstoy's deep interest in his contemporary, recognition of his high level of education, depth and breadth of mind. They show that Tolstoy understood Kovalevsky well, his views on life, and the correspondent's lack of a certain fanaticism in all areas he addressed. The paper traces the stages of interaction between Tolstoy and Kovalevsky. The author shows that they met at the headquarters of M.D. Gorchakov in the Danube army, where mutual literary influence took place for the first time. The correspondence grew due to the fact of the common military past of both writers and contemporaries who participated in the defense of Sevastopol. Kovalevsky became the addressee of three sincere and detailed messages from Tolstoy because the writer in many ways singled him out among secular society and all officials as a person who thinks and understands problems, ready to put the individual at the center of the movement of

history. At the moments of reorientation from literature to pedagogy, understanding of social issues, Tolstoy's appeal to Kovalevsky was especially relevant: the writer relied on the addressee's sincerity, his experience and the possibility of assistance in dealing with a total illiteracy of the people, which, in Tolstoy's opinion, was of little interest to the government.

Keywords: L.N. Tolstoy, E.P. Kovalevsky, Correspondents, Correspondence, Crimean War, People's Life, Education, Illiteracy, Creative Interaction, Government.

Information about the author: Valeria G. Andreeva — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, build. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Received: January 18, 2025

Approved after reviewing: May 3, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Andreeva, V.G. ““The Violence of Prevailing Ignorance...”: Three Letters from L.N. Tolstoy to E.P. Kovalevsky.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 198–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-198-211>

References

- 1 Aleksandrova, E.V. “Krymskaia voina v retseptsii E.P. Kovalevskogo i L.N. Tolstogo” [“The Crimean War in the Reception of E.P. Kovalevsky and L.N. Tolstoy”]. *Imagologiya i komparativistika*, no. 15, 2021, pp. 156–172. <https://doi.org/10.17223/24099554/15/9> (In Russ.)
- 2 Andreeva, V.G. ““Liubeznyi drug... ne serdis' za otkrovennost!”: perepiska L.N. Tolstogo i B.N. Chicherina” [“Dear Friend... Forgive me my Frankness!”: Correspondence between L.N. Tolstoy and B.N. Chicherin”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83> (In Russ.)
- 3 Andreeva, V.G. ““Chelovek sozdan byt' oporoi drugomu, potomu chto emu samomu nuzhna opora”: perepiska L.N. Tolstogo i N.A. Nekrasova” [“Man is Created to be a Support for Another, because he Himself Needs Support”: the Correspondence of L.N. Tolstoy and N.A. Nekrasov”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, vol. 15, no. 3, pp. 74–83. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2023-3-74-83> (In Russ.)
- 4 Andreeva, V.G. Kaliuzhnaia, L.V “Perepiska L.N. Tolstogo i Iu.F. Samarina: novye konteksty i problemy vzaimootnoshenii dvukh sovremennikov” [“Correspondence of L.N. Tolstoy and Yu.F. Samarin: New Contexts and Problems in Relationships between two Contemporaries”]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: Istoriiia, filologiya [History, Philology], vol. 22, no. 9, 2023, pp. 83–97. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-9-83-97> (In Russ.)
- 5 Belov, A.M., Galinskaia, O.Iu. “Ob urovne gramotnosti naseleniiia Kostromskoi i Iaroslavskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.” [“On the Level of Literacy of the Population of the Kostroma and Yaroslavl Provinces in the Late 19th – Early 20th Centuries”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. 4, 2023, pp. 34–40. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40> (In Russ.)

- 6 Gusev, N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god* [Leo Nikolaevich Tolstoy. *Materials for a Biography from 1855 to 1869*]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1957. 915 p. (In Russ.)
- 7 Krasnosel'skaia, Iu.I. "L.N. Tolstoi i Eg.P. Kovalevskii: literaturnye i ideologicheskie sviazi v 1856 g." ["L.N. Tolstoy and E.P. Kovalevsky: Literary and Ideological Connections in 1856"]. *Lev Tolstoi i mirovaya literature* [Lev Tolstoy and World Literature]. Tula, Muzei-usad'ba L.N. Tolstogo "Iasnaya Poliana" Publ., 2014, pp. 85–94. (In Russ.)
- 8 Markov, E.L. "Teoriia i praktika iasnopolianskoi shkoly. Pedagogicheskie zametki tul'skogo uchitelia" ["Theory and Practice of the Yasnaya Polyana School. Pedagogical Notes of a Tula Teacher"]. *Russkii vestnik*, no. 5, 1862, pp. 149–189. (In Russ.)
- 9 Markov, E.L. *Grekhi i nuzhdy nashei srednei shkoly* [Sins and Needs of our Secondary School]. Sankt-Peterburg, Tipografia A.S. Suvorina Publ., 1900. 131 p. (In Russ.)
- 10 Sytina, Iu.N. "O bytovanii formuly '2 × 2 = 4' v russkoi klassike i o ee vozmozhnykh istokakh" ["On the Existence of the Formula '2 × 2 = 4' in Russian Classics and its Possible Origins"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 1, no. 1, 2019, pp. 128–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147> (In Russ.)
- 11 Khristenko, D.N., Orishev, A.B., Mamedov, A.A. "Sotsial'naia politika Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh veka (na primere funktsionirovaniia sistemy zdravookhraneniia)" ["Social Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (on the Example of the Functioning of the Healthcare System)"]. *Bylye gody*, vol. 19, no. 2, pp. 792–802. <https://doi.org/10.13187/bg.2024.2.792> (In Russ.)
- 12 Eikhenbaum, B.M. *Lev Tolstoi: issledovaniia. Stat'i* [Lev Tolstoy: Research. Articles]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts Saint Petersburg State University Publ., 2009. 952 p. (In Russ.)
- 13 Eklof, Ben "The Myth of the Zemstvo School: The Sources of the Expansion of Rural Education in Imperial Russia: 1864–1914." *History of Education Quarterly*, vol. 24, no. 4, 1984, pp. 561–584 (In English).